

ГРАНИЦЫ Земли раздвинулись. Космос приблизился к нам. Ракетная рука человека коснулась Луны. И человечество еще раз узнало могучую силу советской коммунистической целеустремленности.

В эти дни нельзя не думать об идейной сущности

происходящих исторических событий, о великой силе коммунистической партии, о счастливых путях развития нашей науки, культуры, искусства, освещаемых мыслью нашей партии, пролагаемых ее волей.

НЕДАВНО мне рассказывали, что один из зарубежных гостей III съезда писателей СССР, вернувшись домой, выражал недовольство тесным контактом, который существует у нас между руководителями партии, правительства, с одной стороны, и творческими деятелями — с другой. Гость усмотрел в этом (в который раз!) покушение на пресловутую «свободу творчества».

Можно было бы оставить без внимания такие высказывания. Мы могли бы коротко сказать: у нас в социалистическом государстве сложились за 42 года свои традиции, свои нормы понимания хорошего и плохого, свое представление о подлинной свободе.

Но вопрос о партийности искусства выходит за рамки наших внутренних проблем. Мы неизбежно будем возвращаться к проблеме партийности искусства, тем более что партия на каждом новом этапе развития дает замечательные по силе и ясности указания; наша творческая воля должна претворить их в такие же сильные и волнующие каждого художественные образы.

Хочется спросить у наших оппонентов: как это получается, что деятели советского искусства, лишенные будто бы свободы творчества, могут так покорять самую разноразличную аудиторию? Где кроется та тайна, секрет, которые заставляют даже буржуазную печать признавать несравненный уровень нашего балета, писать о непостижимой выразительности спектаклей МХАТ, приходить в восхищение от мастерства Д. Ойстраха, Э. Гилельса или Зары Долухановой?

ПОНИМАНИЮ высокого общественного назначения искусства научила нас партия. Она вселила веру в силу воспитательного воздействия искусства на людей. Она подняла общественное положение писателя, артиста, художника, музыканта на небывалую высоту. И за это каждый из них благодарен Коммунистической партии.

Все познается гораздо более отчетливо в сравнении. Мне пришлось за последние годы много поездить по белу свету. Побывать в очень знаменитых и менее знаменитых театрах, побродить по залам известных музеев, беседовать с великими и рядовыми актерами буржуазных театров, выслушивать откровенные признания западных драматургов и театральных критиков. Главный вывод и основное впечатление состоят в том, что искусство в буржуазных странах деградирует и вырождается, что его общественный смысл и назначение падают, что деятель искусства, который не смог вырваться из тенет буржуазной идеологии, все более часто начинает чувствовать себя «лишним человеком». Лишним и ненужным. От этого эти художники не перестают быть партийными в буржуазном смысле, не перестают объективно поддерживать строй, их же нередко топчущий. Не случайно все истинно великое в нашу эпоху создано на Западе художниками, сумевшими подняться выше буржуазной ограниченности и приблизиться к позициям рабочего класса.

Вероятно, французские абстракционисты думают, что творят свободно, по внутренним велениям даже не сознания, а подсознания. Но такого рода «свободное творчество» не привлекает сердца ни парижан, ни даже туристов. Не один раз заходил я в Париже в Музей современного искусства. Пусто в нем и безлюдно. Холодом веет от высоких стен, где расположились чудовищные порождения абстракционистской фантазии. Возможно, на первых порах они пугали и привлекали как нечто необычное, как крик раненого, как бред больного. Теперь к ним привыкли, поняли их бессмыслицу и бесцерковность. Абстракционисты оторвались от жизни, а народ, носитель и творец жизни, отвернулся от абстракционистов.

Видел я на сцене три пьесы Джо-

Источник сил для могучих свершений

на Осборна, признанного выразителя дум и настроений определенного круга современной молодежи Запада. Эти пьесы — «Оглянись во гневе», «Развлекатель» и «Эпитафия Джорджа Диллона» — одна мрачнее и безысходнее другой. Обреченностью веет от героев Осборна, неизменно терпящих крушение на своем жизненном поприще. Никуда они не зовут, ничем не обнадеживают, нагоняя на зрителя лишь мрачное уныние и серую тоску.

Приходилось мне наблюдать на Западе и другие явления. Бесконечные шеренги герлс, с которых сорвана одежда, ежевечерне продают свою красоту всем, имеющим туго набитый кошелек. Кричащий дикими голосами джаз стремится изобразить безудержное веселье, какую-то неуголимую погоню за наслаждениями. Сотни разноцветных огней отражаются в тысячах блесков. Но грустным уходит из таких мест разумный и неиспорченный человек. Грустно оттого, что женщина низведена здесь до уровня животного, которого привели на выставку для показа «хороших пропорций и чистых кровей».

Не приходится сомневаться, что абстракционисты, Джон Осборн и его друзья по творчеству, организаторы феерий на подмостках Казино де Пари или Фоли-Бержер считают себя свободными художниками. Мы не настолько наивны и понимаем: жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Образ жизни, который создал современный капитализм, накладывает неизгладимый отпечаток на любого буржуазного художника, который кричит о своей «свободе». Другое дело, что социальные связи и взаимозависимости нынешнего буржуазного искусства тщательно маскируются.

Став классом реакционным, буржуазия не может дать художникам положительной идеи, указать цель великую и благородную. Здесь и понадобился миф о свободе и независимости творчества, о ценностях искусства, оторванного от жизни.

СОВЕТСКИЕ художники гордятся своей коммунистической партийностью. Все лучшее, чем отличается социалистическая культура от буржуазной, — оптимизм нашего творчества, его человеколюбивый характер, его подлинный демократизм, то есть народность, тесная связь с жизнью, все это выпестовано, выращено любовно и терпеливо партией. Немеркнущий свет нового, жизнеутверждающего, зовущего исходит от искусства, руководимого нашей партией. И люди на Западе, встречаясь с советским искусством, тянутся к нему. В коммунистической партийности искусства — величайшее преимущество наших писателей, художников, артистов, ясность их путей, благородство стремлений, историческая ценность их творчества.

Эти качества заразительны. Они заставляют думать о причинах и следствиях, зовут к невольным сравнениям. Давно закончились гастроли Художественного театра в Лондоне, а в Женеве человек сидел за статьей и все еще думал о причинах, определивших успех «красных артистов». 21 августа 1958 года газета «Трибюн де Женев» опубликовала статью о гастрольях МХАТ в Лондоне, названную «Невольные сравнения». В этой статье немало благоглупостей, но вот к каким любопытным выводам приходит в конце концов автор:

«Во время пребывания в Москве исполнителям «Гамлета» (англичанам. — А. С.) были оказаны знаки внимания со стороны самого правительства. Во время же своего пребывания в Лондоне артисты МХАТ явились свидетелями многочисленных выступлений английской прессы против равнодушного отношения английского правительства к искусству вообще и к драматическому искусству, в частности.

Урок, который преподавал Лондону МХАТ, состоит в следующем: английские предприниматели должны поменьше думать о своих корыстных интересах, а английское правительство — побольше заботиться о том, чтобы театр в Англии обладал таким же престижем, каким он обладает в России. Тогда его известность быстро вышла бы за пределы своей страны».

Все сказанное выше посвящается зарубежному оппоненту. Как-то неудобно доказывать нашим людям, что без партийного руководства наше искусство не смогло бы жить, крепнуть, приобрести те благородные черты и качества, которые означают шаг вперед в художественном развитии человечества. Партийность стала для нас аксиомой, истиной, не требующей доказательств. И не хочется вести разговор с теми, кто сознательно или по недомыслию покушается иногда на принцип партийности.

ТРУДНЕЕ с теми, кто клянется партийностью, неизменно голосует за нее, но в сутолоке жизни, в мелком, обывательском беспокойстве о благополучном сегодня то и дело скатывается с рельсов партийности. Партийность принципиальна, она обязательна — вот о чем забывают порой. Когда драматург в сотый раз ставит в центре общественного внимания пресловутый любовный треугольник и тем самым в советских условиях повторяет заплесневелые каноны буржуазной драмы, он забывает о партийности. Когда руководство театра тянет на сцену третьесортную пьесу западного происхождения, где за ярко раскрашенной оболочкой занимательности скрываются фальшь и мещанство, очень уместно напомнить ему о партийности.

Партийность — естественное, органическое, творческое состояние художника, сознательно и до конца отдавшего себя служению народу, считающего коммунизм своим кровным делом. Об этом замечательно сказал Н. С. Хрущев в станице Вешенской.

Вспоминаются сетования отдельных драматургов, которым мешает творить так называемый «внутренний цензор». Они постоянно мучаются над «проблемой» допустимого и недопустимого в творчестве, что можно критиковать и осмеивать и что нельзя. Такие драматурги считают себя вполне современными и советскими писателями. И все же, как много сидит в них еще обывательского цинизма, делячества, ремесленничества, органически противного духу подлинной партийности. Они знают решения партии и внимательно изучают речи наших руководителей. Но они ограничиваются книжным знанием коммунизма, которое ровным счетом ничего не стоит. Об этом сказал В. И. Ленин около сорока лет назад и тут же разъяснил, что настоящим коммунистом можно стать только в труде, вместе с рабочими и крестьянами. Понятно отсюда, как важно уметь видеть жизнь, стать ближе к жизни, к народу.

ЖИЗНЬ, быстро меняющаяся на наших глазах, убеждает лучше всего и зовет к партийности как источнику сил для великих дел. Когда люди искусства едут на целину или новостройку, когда встречаются там с подлинными творцами и героями современности, они привозят с собой вместе с загаром степей иное представление о нашем сегодня. Такие поездки дают, особенно творческой молодежи, больше, чем любая, даже очень хорошая книга.

И как легко подчас превращается человек в циника и обывателя, если мир его ограничивается изо дня в день одним и тем же кругом впечатлений: утром много раз пройденная дорога на репетицию, после репетиции — обед в семейном кругу, вечером — той же дорогой на спектакль. Сохранились у нас еще такие люди в искусстве, сердце и ум которых открыты для свежего ветра современности.

НАЧАЛСЯ первый театральный сезон семилетки. Как хочется, чтобы славный труд драматургов, режиссеров, актеров поднялся на новую ступень вдохновенного творчества, чтобы дух партийности дал знать о себе с новой силой, чтобы поднялась требовательность к себе и другим, чтобы не стыдно было перед народом за каждый прожитый день и час. Великим примером всегда служит нам Коммунистическая партия — источник сил для великих свершений.

А. СОЛОДОВНИКОВ,

15 СЕН 1959

ОБЩЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА
Г. Москва